

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

УДК 343.615

К ВОПРОСУ О СЛОЖНОСТИ КОНКРЕТИЗАЦИИ ПРИЗНАКОВ НЕИЗГЛАДИМОГО ОБЕЗОБРАЖИВАНИЯ ЛИЦА В ПРОЦЕССЕ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМОЙ СУДОМ (НА МАТЕРИАЛАХ ОДНОГО УГОЛОВНОГО ДЕЛА)

© 2019 г. А.С. Бурцев, И.В. Миронюк, А.И. Ляхова

Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет
308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

National Research University
Belgorod State University
85, Pobedy str.,
Belgorod, 308015

В статье рассмотрены проблемы толкования оценочного понятия «неизгладимое обезображивание лица», стоящие перед судом в процессе квалификации конкретного уголовно-наказуемого деяния. На основе отдельного приговора анализируется сложившаяся судебная практика, касающаяся придания правовой определенности оценочному понятию через конкретизацию свойственных только ему признаков. Авторами рассмотрен алгоритм, которого придерживается следователь ОВД при квалификации уголовного деликта, выявлены проблемы учета фактических обстоятельств в интерпретации свидетелей и специалистов. С опорой на данные проведенного исследования проанализированы пределы влияния личностных качеств судьи, рассматривающего дело, на квалификацию оценочных понятий. Сделан вывод о пагубности отступления от сложившейся судебной практики, влекущего вынесение неправомерного решения.

Ключевые слова: признаки, квалификация, неизгладимое обезображивание, пропорции, преступление, суд, критерии, оценочное понятие

The article studies the problems of interpretation of the evaluative concept "indelible disfigurement of the face" in the process of crime qualification by courts. Based on one sentence, the current judicial practice is analyzed. The authors consider the algorithm followed by the investigator of the internal affairs in the qualifying of this crime, problems of taking into account factual circumstances in the interpretation of witnesses and specialists. Based on the data of the study, the limits of the influence of the personal qualities of the judge considering the case on the qualification of value concepts are analyzed. The conclusion is drawn about the pernicious deviation from the prevailing judicial practice, entailing the adoption of an unjust decision.

Keywords: elements of the crime, qualification, indelible disfigurement of the face, proportions, crime, court, criteria, evaluative concept.

Учитывая позицию высших судебных инстанций Российской Федерации [1, 2], нижестоящие суды исходят из того, что понятие «обезображивание лица человека» является понятием юридическим и оценочным [3, 4, 5], что не противоречит требованию определенности правовых норм. Поэтому в ходе судебного разбирательства вопросы, связанные с обезображиванием, решаются, исходя из общепринятых эстетических представлений о красоте, привлекательности человеческого лица с учетом всех обстоятельств дела.

Помимо эстетических представлений, имеющих у судьи, существенное влияние на квалификацию деяния оказывают мнения о характере повреждений лица и их влиянии на внешность потерпевшего, высказываемые свидетелями и специалистами. Предполагается, что в их основе также лежат соответствующие эстетические представления. Исключение составляет мнение врача – судебно-медицинского эксперта, поскольку он может высказывать свое суждение только по вопросу неизгладимости (изгладимости) повреждений.

Сложность такой квалификации состоит в том, что понятия «красота» и «привлекательность человеческого лица» являются оценочными. До настоящего времени в рамках взаимодействия доктрины уголовного права, прокурорско-следственной и судебной практики не выработано четкого эстетического критерия (критериев) их оценки, под которым следует понимать отличительный и постоянный признак, позволяющий дать правовую оценку уголовно-наказуемому деянию с учетом таких представлений.

Изучение соответствующей литературы [6, 7] позволяет судить, что, несмотря на проведенные исследования, их авторы ограничиваются рассуждениями об эволюционном развитии представлений о красоте и привлекательности человеческого лица в различные эпохи у отдельных народов и пр.,

тогда как ответов, касающихся теоретических и практических аспектов таких представлений, пригодных для разрешения уголовно-правовых ситуаций, они не содержат. Все это сделало практически невозможным их доктринальное и судебное толкование в процессе применения уголовно-правовой нормы, сконструированной с применением оценочного понятия.

Именно поэтому судебная практика сформулировала признаки того, какой вид должно иметь лицо человека, чтобы правоприменитель мог сделать вывод о его обезображивании. Оно должно быть *отталкивающим, уродливым и безобразным*.

Уже невозможно сказать, когда и где впервые возникла эта «триада» и кто ее автор, но сегодня ни один обвинительный приговор, в случае когда тяжкий вред здоровью выражается в неизгладимом обезображивании лица, не обходится без нее [8, 9, 10, 11].

С практической точки зрения это означает, что перечисленные признаки являются результатом судебного толкования, осуществляемого в целях конкретизации оценочного понятия, т.е. придания определенности его содержанию. Необходимость такой конкретизации возникает каждый раз, когда обнаруживаются фактические обстоятельства, требующих применения уголовно-правовой нормы, в структуре которой находятся оценочные понятия, с которыми в сознании субъектов, их применяющих, ассоциируются установленные по делу фактические обстоятельства [12, с. 18].

Показательно, что следователи подобным толкованием не занимаются, поскольку если рассматриваемое оценочное понятие в части «обезображивания» хоть как-то толкуется посредством указанных признаков, то их доктринальное и практическое толкование отсутствует вовсе, при том что каждое из них в отдельности также является оценочным понятием, имеющим субъективный характер и нуждающимся в конкретизации.

Это очевидно противоречит тому, что «толкование оценочных понятий в уголовном праве должно производиться точным и ясным языком, не допускающим двусмысленного понимания, по возможности без использования других общих и оценочных понятий» [13, 14].

Безусловно, целям оптимизации уголовно-правового регулирования, которая необходима для применения сложных в их однозначном понимании положений УК РФ, связанных с оценочными понятиями, служат разъяснения вышестоящих судов. Однако в данной ситуации решения высших судебных органов, упоминанием которых началась эта статья, несовершенны с точки зрения юридической техники, поскольку не определяют и не интерпретируют рассматриваемое оценочное понятие, что негативно отражается на процессе правоприменения.

Поэтому следователь действует достаточно формально: 1) к ранее проведенной назначает еще одну экспертизу (это связано с тем, что, как правило, следователь (дознатель) сразу после возбуждения уголовного дела в целях установления характера и степени вреда, причиненного здоровью человека, назначает судебно-медицинскую экспертизу в порядке ст. 195 УПК РФ) с целью выяснения, является ли анатомический дефект у потерпевшего неизгладимым; 2) допрашивает его и свидетелей, ставя перед ними (помимо прочих) вопрос, интересующий его, прежде всего: «Является ли повреждение лица обезображивающим?». Получение утвердительных ответов по обоим пунктам является основанием для квалификации действия обвиняемого, еще и по ст. 111 УК РФ.

При этом в действиях следователя действительно просматривается формальный подход, поскольку он, конкретизировав «неизгладимость» с помощью объективных данных из заключения судебно-медицинской экспертизы, указывающих на место расположения анатомического изъяна на лице, его размеры, а, главное, на его неизгладимость (поскольку требуется косметическая операция), конкретизации «обезображивания» не осуществляет.

Причина в том, что следователь, собирая доказательства, быстро убеждается, что никто из допрашиваемых, оценивая «обезображенность» потерпевшего, не дает содержательных, логически связанных показаний, которые могли бы подтвердить наличие свойств, соответствующих представлению следователя об отталкивающем, уродливом и безобразном внешнем виде.

Тем не менее, обвиняемому вменяется причинение тяжкого вреда здоровью, после чего уголовное дело передается в суд.

Тем самым, следователь «перекладывает» ответственность за толкование оценочного понятия, доказывание и квалификацию конкретного противоправного деяния на государственного обвинителя и судью, считая, что их опыта и профессионализма хватит, чтобы поддержать утвержденную обвинительным заключением квалификацию. Конечно же, суд и, в первую очередь, государственный обвинитель пытаются восполнить следственные пробелы и, как говорят юристы-практики, «вытянуть» дело.

В этой ситуации суд для того, чтобы убедиться в правильности квалификации по статье, имеющей в своем составе рассматриваемое оценочное понятие, сопоставляет общепринятые эстетические представления о красоте и привлекательности человеческого лица как некий стандарт внешнего вида

с исследуемыми и оцениваемыми в рамках правоприменительной ситуации доказательствами, конкретизируя с их помощью признаки, которые в совокупности позволяют сделать вывод о неизгладимом обезображивании лица.

Следовательно, судья должен обладать не только глубокими познаниями в области юриспруденции (о правовой природе оценочных понятий, умении их толковать и применять), но быть тонко чувствующим красоту и гармонию эстетом, осведомленным об общепринятых эстетических представлениях, а также обладающим собственными представлениями о них.

Конечно же, к таким представлениям можно не прибегать, если анатомические дефекты потерпевшего повлекли резкое изменение естественного вида лица. Поэтому не вызовет возражения квалификация по признаку неизгладимого обезображивания лица, когда виновный в ходе ссоры откусил потерпевшему нижнюю губу [15] или ударом палки оторвал ушную раковину [16]. Однако как быть, если дефект не имеет очевидного характера? В такой ситуации максимальное значение для правильной квалификации будет иметь субъективное мнение о внешнем виде потерпевшего, высказываемое очевидцами и прочими лицами.

И тут возникает проблема, ранее стоявшая перед следователем, – невозможность твердо основываться на пояснениях свидетелей и специалистов в целях выявления признаков, с помощью которых суд сможет осуществить толкование оценочного понятия «неизгладимое обезображивание», применительно к конкретной ситуации, в силу малосодержательности таких показаний, а зачастую и их противоречивости.

Для того чтобы понять, о чем ведется речь, мы приводим выдержку из протокола судебного заседания по одному уголовному делу, рассмотренному Старооскольским городским судом Белгородской области в канун 2018 г. по п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ [17]. Содержание допросов приводится с сохранением орфографии и пунктуации источника. Из приговора известно, что в результате удара стеклянным бокалом в лицо у потерпевшей в области спинки носа с переходом на верхнее веко правого глаза образовался рубец размером 5,5х0,1 см., нитевидный, частично закрытый веком, обезобразивший ее лицо. По настоящему уголовному делу было допрошено несколько свидетелей и специалистов.

Один свидетелей – художник-портретист Т., в 1994 году окончил художественный институт по специальности «Учитель рисования, черчения и прикладного искусства».

В суде Т. пояснил, что следователь показал ему 2 или 3 фотографии молодой девушки без шрама и одну фотографию со шрамом. Далее государственный обвинитель задал ему вопрос: «Увидели ли Вы как художник явную асимметрию лица на фотографии без шрама и на фотографии со шрамом?» Последовал ответ: «Явной асимметрии я не увидел. Я увидел шрам, и этот шрам привлекает внимание». Далее Т. еще раз уточнил, что шрамы именно в области глаз привлекают внимание.

Председательствующий начал свой допрос вопросом: «Шрам, который Вы видели на фотографии, он обезобразивал вид девушки?» свидетель ответил утвердительно, пояснив, что «прежде всего он притягивает взгляд». Тогда был задан вопрос: «Носит ли этот шрам отталкивающий характер?». Т. немного подумав, ответил: «Он мешает сосредоточиться на глазах. Прежде всего, внимание обращаешь на него. Он вызывает чувство неловкости».

Тогда судья задал свидетелю Т. прямой вопрос: «Обезобразивает ли шрам ее лицо в настоящий момент?». На это последовал ответ: «Нет, у нее лицо приятное, миловидное, я не вижу отталкивающего характера, единственное он притягивает взгляд».

Когда представитель потерпевшего попробовал выяснить у свидетеля Т. понятен ли ему смысл вопросов, которые задает судья, спросив: «Что в Вашем понимании обезобразивает и что такое отталкивает?» тот не ответил, пояснив: «Может на фотографиях шрам был более заметен, он был свежий. На сегодняшний день шрам заметен, но у потерпевшей очень красивое и миловидное лицо».

После оглашения в судебном заседании показаний, ранее данных свидетелем Т., он подтвердил, что давал показания о том, что лицо потерпевшей обезобразено, уточнив: «Фотография – это плоскость, а я сейчас наблюдаю живого человека. Сейчас я не наблюдаю асимметрии».

Специалист П., врач челюстно-лицевой хирургии с 15-летним стажем пояснил, что следователь представлял ему заключение эксперта и фотографии девушки со шрамом и без.

На вопрос государственного обвинителя: обезобразивает ли рубец лицо девушки – ответил утвердительно, пояснив: «Рубцы на лице всегда привлекают внимание и обезобразивают лицо. Я увидел небольшие неровности на коже лица и вздернутость края брови». Примечательно, что на вопрос: «Для того чтобы сделать вывод по поводу обезображивания Вам достаточно было видеть фотографию или Вам необходимо увидеть девушку живую?» свидетель ответил, что ему все видно на фотографии. Также утвердительно он ответил на вопрос представителя потерпев-

шей, спросившего: «Является ли рубец, который находится на лице у потерпевшей, обезображивающим?».

Вместе с тем на вопрос защитника-адвоката: «Вызывает ли у Вас лицо потерпевшей, в настоящий момент, отталкивающий вид?» специалист П. ответил, что оно у него отталкивания не вызывает, хотя имеет асимметрию и это заметно.

На вопрос председательствующего: «Вызывает ли шрам чувство отталкивания или другие эмоции?» ответил: «Это видно и вызывает чувство сожаления». На вопрос защитника - адвоката: «Потеряла ли потерпевшая свою внешнюю красоту?» пояснил: «На мой взгляд, у нее красивое лицо».

Далее по ходатайству государственного обвинителя в суде выступил еще один специалист – визажист-эстетист Ш., работающий по данной специальности 6 лет. Ей были представлены для обозрения фотографии, имеющиеся в материалах дела, после чего государственным обвинителем был задан вопрос: «Являются ли телесные повреждения, которые имеются у девушки, изображенной на фотографии отталкивающими и обезображивающими ее лицо?». Ответ специалиста: «Данные телесные повреждения, имеющиеся у девушки обезображивают и отталкивают ее лицо в любом случае. Шрам на лице будет привлекать внимание людей и девушка будет чувствовать себя «не в своей тарелке»». Далее она уточнила, что «у потерпевшей нарушены ткани возле ресничек, меня как женщину это отталкивает» [18].

Если суммировать все сказанное, то допрошенные лица отметили неявную симметрию лица потерпевшей, возможно образовавшуюся в результате некачественно выполненного татуажа, а также наличие рубца на переносице, который привлекает внимание. Вместе с тем, свидетель Т. и специалист П. утверждали, что ее лицо остается красивым и миловидным, хотя могло быть и красивее.

Приведенные выше показания позволили суду частично конкретизировать оценочное понятие «неизгладимое обезображивание лица» с помощью только одного из анализируемых признаков. Об этом свидетельствуют строки приговора: «Обозревая потерпевшую, суд приходит к выводу, что рубец неизгладимо обезобразил лицо ФИО25, <...> придает внешности потерпевшей неприятный, отталкивающий вид».

Таким образом, суд поступил вопреки сложившейся судебной практике толкования рассматриваемого оценочного понятия в целях его конкретизации посредством всех трех признаков и вынес обвинительный приговор, назначив подсудимой наказание в виде 2 лет лишения свободы с содержанием в колонии общего режима.

Безусловно, что толкование, результатом которого является определенность рассматриваемого оценочного понятия, достигаемая посредством рассмотренной конкретизации, далеко от совершенства по ряду причин.

Первая связана с тем, что вышеуказанные признаки выработаны судебной практикой, носят субъективный характер, имеют проблемы с подтверждением объективными данными в ходе предварительного и судебного следствия, что в определенной степени снижает устойчивость приговора, а также его законность в глазах участников процесса (прежде всего, защитника-адвоката и осужденного).

Вторая причина определяется отсутствием на законодательном уровне закрепления пусть и примерного, но научно обоснованного с точки зрения теории правотворчества перечня существенных признаков, образующих содержание того или иного оценочного понятия.

Учитывая, что процесс такого закрепления может занять достаточно много времени, а субъективность признаков неизбежна, поскольку в их основу положены показания людей, сегодня суду в процессе квалификации следует неукоснительно придерживаться сформировавшейся практики придания правовой определенности оценочному понятию «неизгладимое обезображивание лица» путем конкретизации всех трех признаков.

Отступление от этого может привести и приводит к неоправданно широкому усмотрению суда и неправосудному решению.

Литература

1. URL: <http://www.vsrfl.ru> - Решение Верховного Суда РФ от 17.08.2016 г. № АКПИ16-562 «Об отказе в удовлетворении заявления о признании частично недействующим пункта 13 Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, утв. Постановлением Правительства РФ от 17.08.2007 № 522» (дата обращения: 06.09.2019 г.).

2. URL: <https://legalacts.ru> - Определение Конституционного Суда РФ от 28.03.2017 г. № 560-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дреева Романа Михайловича на нарушение его конституционных прав положениями статей 8, 14 и части первой статьи 111 Уголовного кодекса Российской Федерации, статей 29, 73 - 75, 85 - 88 и 196 Уголовно-

процессуального кодекса Российской Федерации, а также пункта 13 Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 17 августа 2007 года № 522» (дата обращения: 06.09.2019 г.).

3. Шумилина О.С. Оценочные понятия в уголовном Кодексе Российской Федерации и их использование в правоприменительной деятельности: Автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Академия управления МВД России. М., 2002. 26 с.

4. Левина Д.Н. Теоретические проблемы толкования и применения оценочных понятий: Автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Н. Новгород. 2007. 24 с.

5. Черепанова Е.В. Оценочные понятия в УК РФ и их влияние на эффективность применения уголовного законодательства // Журнал российского права. №2 (146). 2009. С. 129.

6. Бутовская М.Л. Антропология пола. Фрязино: «Век 2». 2013. 256 с.

7. Суэми В., Фернхем А. Психология красоты и привлекательности. М.: «Питер», 2009. 198 с.

8. Уголовный кодекс Российской Федерации (2-е издание, переработанное и дополненное) // отв. ред. В.И. Радченко, науч. ред. А.С. Михлин, В.А. Казакова. М: «Проспект», 2008.

9. Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации. Комментарий. Судебная практика. Статистика / Под общ. ред. В.М. Лебедева; отв. ред. А.В. Галахова. М., 2009.

10. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. А.И. Чучаева. М., 2010. С. 309.

11. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В.М. Лебедев. М., 2013. С. 299.

12. Шумилина О.С. Оценочные понятия в уголовном Кодексе Российской Федерации и их использование в правоприменительной деятельности: Автореф. ... дис. к.ю.н. Академия управления МВД России. М., 2002. С. 18.

13. Гармышев Я.В., Егерев И.М., Пархоменко С.В. К вопросу о квалификации некоторых оценочных понятий в уголовном праве России. Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10, № 4. С. 732.

14. Шумилина О.С. Оценочные понятия в уголовном Кодексе Российской Федерации и их использование в правоприменительной деятельности: Автореф. ... дис. к.ю.н. Академия управления МВД России. М., 2002. 26 с.

15. URL: <https://sudact.ru/> – Приговор Ракитянского районного суда Белгородской области № 1-10/2014 от 27 февраля 2014 г. по делу № 1-10/2014 (дата обращения: 06.09.2019 г.).

16. URL: <https://sudact.ru/> – Приговор Белгородского районного суда Белгородской области № 1-288/2013 от 13 января 2014 г. по делу № 1-288/2013 (дата обращения: 06.09.2019 г.).

17. URL: <https://sudact.ru/> - Приговор Старооскольского городского суда Белгородской области № 1-354/2018 от 14 декабря 2018 г. по делу № 1-354/2018 (дата обращения: 06.09.2019 г.).

18. Из протокола судебного заседания по уголовному делу № 1-354/2018, рассмотренному Старооскольским городским судом Белгородской области 14 декабря 2018 г.